

Современники на сцене

В КИТАЙСКОМ ТЕАТРЕ

А. АНАСТАСЬЕВ

Радостным и ярким событием в нашей художественной жизни явились спектакли приехавшей в Советский Союз Шаосинской оперы. Мы увидели самобытное национальное искусство великого народа, которое впитало в себя многие традиции древнего китайского театра. Когда вспоминаешь, что классический театр Китая насчитывает около двухсот разновидностей, то становится особенно ясным его необозримое богатство. А рядом с этим театром в свободном Китае существует и другой — современный, рожденный новой жизнью.

Современный драматический театр за годы свободной жизни страны добился больших успехов. Разумеется, наибольшая трудность состояла и состоит ныне в создании репертуара, и во время пребывания в Китае мы увидели, как дружно и организованно взялись за решение этой задачи драматурги и театральные деятели. В Шанхае я встретился с группой артистов Народного художественного театра провинции Яньин, созданного всего лишь три года назад, и они рассказали о программе своего театра, о том, как строится и создается репертуар.

Какова же эта программа? Директор театра драматург Ань По говорил так:

— Мы должны познакомить зрителей с революционными пьесами, написанными после «движения 4 мая», с произведениями, которые побуждают народ в борьбе против японских империалистов и гоминдановцев; зрители ждут, чтобы мы показали им пьесы советских драматургов и драматургов стран народной демократии; мы видим свою задачу в том, чтобы поставить на своей сцене лучшие классические произведения русской и западноевропейской драматургии; наконец, важнейшая наша задача заключается в том, чтобы в новых пьесах и спектаклях отразить современную жизнь народа.

Решая эту последнюю задачу, театр не только ставит пьесы, появившиеся в печати, но активно работает над созданием новых драматических произведений своими силами. Так, например, актер и драматург Ту Ин написал пьесу «Перед новым делом», в которой рассказывается о борьбе передовых рабочих против враждебных элементов в промышленности. В этом театре появилась пьеса «Депутатка» Сунь Юй, посвященная теме раскрепощения женщины. Эта пьеса не только вошла в репертуар многих драматических театров страны, но послужила основой для создания спектаклей ряда местных опер. Одним из наиболее интересных драматических произведений о современной жизни деревни является пьеса Ань По «Весенний ветер».

Значительным театральным событием в Пекине явилась постановка пьесы Чань Ця-гуна «Десять тысяч рек и тысяча гор».

Когда мы приехали в Пекин, спектакль этот, посвященный событиям Великого похода, шел в одном из клубов ежедневно уже в течение нескольких недель. И каждый день зал был полон, и, как нам рассказал председатель Союза китайских писателей и министр культуры товарищ Мао Дунь, шестьдесят тысяч пекинцев записались в очередь на приобретение билетов.

Радостна эта массовая тяга людей свободного Китая ко всему новому, что появляется на фронте культуры. Пройдите мимо кинотеатра, где демонстрируется новый китайский фильм, — там всегда множество людей, жаждущих достать билет. На заводах, в учреждениях, в учебных заведениях очень широко развита художественная самодеятельность. Там происходит интересный процесс словно бы слияния старого, традиционного искусства с искусством новым и по темам и по стилям особенностям. Это — и в драматическом, и в музыкальном искусстве, и в кружках изобразительного искусства. Стремление китайцев к культуре, к узнаванию всего нового очень ярко проявляется в книжных магазинах. Трудно даже назвать их просто магазинами — это скорее читальни, куда любили, в особенности молодежь и детвора, приходят надолго, чтобы внимательно посмотреть или даже почитать книгу; у одного прилавка, скажем, собралась группа студентов, у другого — а то и удобно за столом — расположились ребяташки, рассматривая очень распространяемые в стране книжки-картинки...

Что же вызвало такой горячий массовый интерес к спектаклю «Десять тысяч рек и тысяча гор»? Прежде всего, разумеется, тема его: спектакль воспроизводит, быть может, самые героические страницы истории китайской революции, одну из славных побед Красной Армии в борьбе против империалистических захватчиков и их приспешников Чан Кай-ши.

Двадцать лет прошло со времени Великого похода, но сценический рассказ о нем волнует зрителей и сейчас. И это понятно. На памяти у всех героические годы освободительной борьбы, в зале присутствует не один доброволец недавней войны в Корее...

Да, этот спектакль скорее всего может быть назван сценическим повествованием о делах и героях Великого похода. Сюжет его определяется движением Красной Армии, главное действующее лицо — народ, недаром в этой пьесе сорок персонажей, и трудно сказать, где тут главные герои и где второстепенные.

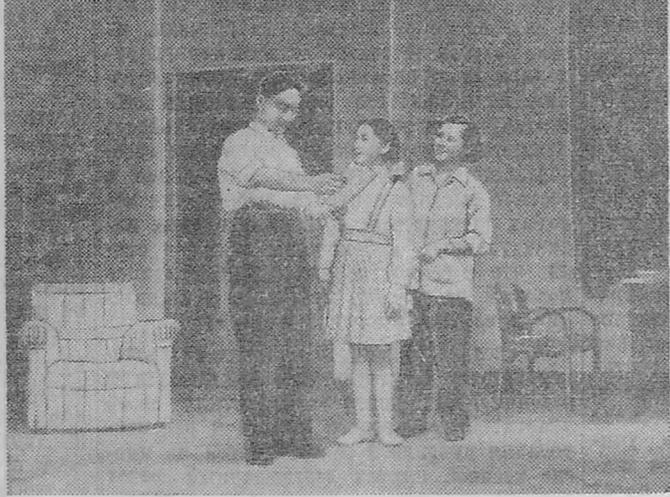
Смотришь спектакль — и невольно вспоминается тот этап советского театра, когда на сцене появилась «Первая Конная». Дело даже не в том, что пьеса «Десять тысяч рек и тысяча гор» чем-то близка по своему сюжетному строению пьесе Вс. Вилинского: сравнение напрашивается потому, что на сцене, как и в «Первой Конной», вновь ожила грозная атмосфера борьбы, и прозвучал переход нами простые, на первый взгляд, совсем неприметные люди, овеянные славой великого подвига.

Спектакль китайского театра принадлежит к тем произведениям сценического искусства, в которых естественно, глубоко сливаются в единое целое правда быта и горячая, романтическая интонация. Перед нами вырастают картины войны — окрыленные великой идеей люди устремляются в бой, слово и сметая на своем пути все преграды; зарево пожара горит небо; взрывы артиллерийских орудий разносит укрепления несущегося противника. В этих сценах нет и следа натурализма, батальной нелюбовности. — они поэтически осмыслены, они создают приподнятый, романтический строй спек-

такля. Вот революционный батальон входит в селение народности И или попадает в тибетскую деревню, бойцы встречаются с крестьянами, говорят с ними, и мы чувствуем, как правдиво все это, какими мыслями живут сейчас герои.

Строго следуя исторической правде, автор пьесы и театр показывают, как сложна, как порой драматична была огромная работа Коммунистической партии Китая по завоеванию доверия веками угнетаемых и гонимых народностей.

До конца преград делу освобождения заместителя командира батальона Ло Шунь-чен — этот боевой, отважный воин, для которого слово «вперед» стало законом жизни. Но не все еще понимает командир,

Сцена из спектакля «Испытание»

и когда он видит, что в деревне И крестьяне оказывают бойцам глухое сопротивление, когда узнает, что в тибетском селеении засел вооруженный отряд, чтобы напасть на его батальон, — ибо тибетцы видели в ту пору во всех пришельцах своих поработителей, — он нарушает приказ и открывает огонь. Ло Шунь-чен отстранен от командования, его место занял молодой командир роты Чжао Чжи-фан...

Органично входит в этот боевой романтический спектакль психологический мотив — драма человека, совершившего глубоко неверный поступок, пострадавшего за это, но не могущего осознать свою вину перед армией, перед народом. Артист Янь Юй-жу с необычайной искренностью и убежденностью играет своего героя. Во всем его поведении, в разговоре с политруком, который всегда был его другом, — перед ним неразрешимый вопрос: как же так, почему его лишили права командования, права, завоеванного им кровью, тяжелыми испытаниями? Ведь он открыл огонь ради того, чтобы батальон мог двинуться дальше! Горькая обида и гнев, сомнение в тех, с кем он породился в бою, смутное ощущение того, что чего-то он не понимает и, наверное, никогда не поймет, потому что война есть война и если на пути к победе и встает препятствие, его надо уничтожить, — вот сложный клубок мыслей и чувств героя. И лишь постепенно, неровно, с трудом входит в его сознание нечто большее, чем необходимость сегодня, сейчас продвигнуться хотя бы на десяток ли вперед, — ощущение великой освободительной и гуманистической миссии, которая легла на плечи его и его боевых товарищей. Со своего командного пункта Ло Шунь-чен разглядел не только ложные вперед позиции, которые он должен занять, но и тот последний руд, за которым открывается новая, мирная и свободная жизнь великой страны, всех ее народов. Коммунистическая партия в лице политрука Ли Ю-ю (которого с той непосредственностью, когда теряется грань между искусством и жизнью, играет артист Янь Ма) необозримо расширила его кругозор, вооружила великим знанием конечной цели многолетней героической борьбы китайского народа...

Когда мы выходили из театра и видели вокруг множество энергичных, уверенных лиц людей свободного Китая, снова вспомнилось, как много, как почти невероятно много сделали эти люди за годы новой, свободной жизни. И подумалось: большую мысль несет в себе образ Ло Шунь-чена. Ведь внешне завоевание Коммунистической партии Китая — это торжество идеи коммунизма, которая распространилась в массах шестисотмиллионного народа и стала материальной силой.

Заметить существенные процессы, происходящие в духовной жизни народа, запечатлеть их в художественных образах — это ли не призвание работников литературы и искусства? И они замечают их, создают новые произведения, в которых действие происходит сегодня, сейчас. Еще серьезные репертуарные трудности испытывает современный театр — об этом прямо и честно говорят китайские писатели и артисты, — но первые и уверенные шаги в отражении нынешней жизни народа драматургами уже сделаны.

В Шанхае, в Народном художественном театре, мы видели спектакль «Испытание» Ся Яня. Вот кратко содержание спектакля: Дин Вэй назначен директором электрического завода, на котором заместителем директора уже давно работает его фронтовой друг, спавший ему на Янды жизни, — Ян Чжун-ань. После радостной встречи с другом Дин Вэй узнает, что завод работает плохо и виноват в этом прежде всего Ян Чжун-ань, зазнавшийся, не любящий критики, не дающий ходу творческой мысли рабочих и инженеров. Преодолев некоторые недоверие к себе, Дин Вэй с помощью рабочих и партийных работников сплачивает коллектив, совершенствует производство. Между ним и Ян Чжун-анем происходит тяжелый разговор. Еще до этого разговора жена просила Дин Вэй быть как можно мягче, не забывать о том, что он обязан старому другу жизнью. На это Дин Вэй отвечает:

— Теперь он, Ян Чжун-ань, оказался в опасном положении, и я должен спасти его.

В этой фразе заключена главная мысль пьесы: настоящая дружба не в том, чтобы поналому остушиваться, а в том, чтобы открыто ему правду, как бы горька и сурова она ни была.

Мысль об испытании дружбы тесно связана в пьесе с идеей критики и самокритики, как неприменным условием поступательного движения жизни. Молодые рабо-

чие Сюй Да-минь и Юй Цзя-хуа открыто выступают против методов руководства заместителя директора, рискуя навлечь на себя его гнев.

Новизна и актуальность пьесы «Испытание» определяются прежде всего тем, что она отражает одну из самых существенных черт нынешнего этапа жизни китайского народа. Знакомясь с партийной печатью Китая, беседуя с партийными руководителями разных провинций и городов, бывая на заводах и в учебных заведениях, мы убедились в том, как глубоко проникла идея критики и самокритики в сознание масс.

Передовые люди Китая привыкли говорить правду в глаза, привыкли смело глядеть на жизненные трудности, чтобы эти трудности были преодолены. Как между собой, так и в общении с друзьями из Советского Союза. С кем бы мы ни встречались, каждый обращался с настойчивой просьбой высказать замечания о работе, помочь критикой и советом...

Думая об этом, особенно ясно представляешь, как своевременна и актуальна пьеса «Испытание»: она воспитывает у народа великое чувство партийной правды, мобилизует на борьбу с теми, кто своим самолюбием, своими карьеристскими целями мешает строительству социализма. И Шанхайский народный художественный театр — режиссер Цзо Линь — сделал многое, чтобы донести главные мысли пьесы и помочь драматургу преодолеть ее недостатки.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы увидели китайских артистов в этом спектакле, — это предельная простота, отсутствие какого бы то ни было наигрыша, полнейшая естественность интонаций, движений — всего, словом, поведения. Поначау да-

же показалось, что спектаклю грозит однообразие, что ему не хватает эмоциональности, театральной выразительности. Но это только поначалу. Затем мы убедились, что нигде не акцентированная, ничем не украшенная речь, очень скупые движения, необычайно экономные мизансцены — это и есть, повидимому, стиль, который вырабатывается в этом театре. В решающей, ключевой сцене, например, когда происходит тяжелый разговор между старыми друзьями, а нынешними противниками, артисты Гао Чжун-пин и Хэ Ши были настолько поглощены каждый своими мыслями, так убеждены, хотя и очень сдержанно, говорили, что даже мы, не понимающие по-китайски, были захвачены самой драматической ситуацией. Естественность актерской игры дополняется простотой и полной достоверностью обстановки, костюмов.

Откуда же пришла эта предельная, хочется даже сказать, житейская правда в искусство современного китайского театра? Ведь ясно же, что это искусство далеко отстоит от традиции классического театра, где условность является органическим элементом. Разумеется, многое в современном реалистическом театре Китая накапливалось годами и десятилетиями. Китайские артисты и драматурги говорили, что немалое влияние оказывают на театральное искусство советский театр, его реалистические традиции. А многое уже рождено и самой жизнью свободного китайского народа.

Но если поглубже задуматься о взаимоотношении классического и современного китайского театра, то при всех огромных различиях между этими видами сценического творчества, при том, что они развиваются параллельно, не сливаясь друг с другом, нельзя не заметить одну общую черту. Черта эта — глубокая, почти завывающая вера артиста в то, что он делает на сцене. Убежденность китайских артистов в истинности сценического действия — вот, мне кажется, та общая особенность китайского театра, которая обещает его плодотворное развитие.

В пьесе и спектакле «Испытание» много хорошего, волнующего своей жизненностью, ясностью цели, искренностью. Превосходно, с острым чувством нового, показан быт семьи Дин Вэй, причем, быть может, наибольшие заслуги здесь артистки Ли Шу-жун, которая с такой теплотой показала нам простую женщину, как у нас говорят, домашнюю хозяйку — вариу подругу Дин Вэй. Очень интересен образ старого инженера Цянь Пэй-чжи, человека, который внутренне постиг правду Коммунистической партии, но в силу каких-то давних предрассудков хочет показать себя «консерватором», однако тайно изучает русский язык. Словом, перед нами прошли живые люди нынешнего Китая, предстала картина жизни, полной труда и борьбы.

Но в пьесе есть, как мне кажется, и недостатки, характерные не только для этого произведения. Так, думаю, что некоторые герои часто слишком прямолинейно, «в лоб» высказывают свои взгляды, слабым местом пьесы являются многочисленные технические разговоры, которые отвлекают внимание от духовной жизни героев; недостаточно мотивировано поведение к концу спектакля себялюбца и карьериста Ян Чжун-аня.

Все эти или подобные «болезни роста» хорошо знакомы нам, ими болела и еще не перестала болеть наша драматургия. И здесь хочется сказать о том, что мы, видимо, не всегда чувствуем ту меру ответственности, которая самим ходом жизни возложена на наше искусство. Наши друзья в Китае, в странах народной демократии учатся у советских художников и многому, ценному и дорогому, научились. Но ведь вместе с этим ценным и дорогим, вместе с настоящими достижениями социалистического реализма к ним пришло и то, что отмечено схемой, штампом, где живая правда и поэзия уступают место примитиву, иллюстративности, антихудожественной прямолинейности. И надо ли удивляться, что молодые писатели, горячо, искренно желающие перенять опыт советских художников, порой вместе с хорошим берут за образцы и плохое.

Наша задача — помочь друзьям овладеть методом социалистического реализма, а мы порой, выпуская на сцену или в печать незрелые, примитивные произведения, наносим вред большому и сложному делу. Прочтя пьесу, плохой роман, плохое введенная литературная дискуссия — все это оказывает плохую услугу нашим друзьям, которые вправе ждать от советских писателей настоящей, плодотворной товарищеской помощи в овладении методом социалистического реализма.